

Появление Гу Сяодуна вызвало безмолвное цунами в отношениях между князем Чжэньбэй и его супругой.

В усадьбе Гу превыше всего ценили деятельную решимость: дела здесь никогда не откладывали в долгий ящик. Стоило вчера Гу Цзинью при первом удобном случае упомянуть о «дальних родственниках», как княгиня Ань Жои тут же приняла это к сведению.

Боковые ветви рода Гу были скудны, а собственную родню из клана Ань она знала как свои пять пальцев. Внезапное появление двоих сирот со стороны выглядело чистой воды мошенничеством. И всё же её заставило насторожиться одно обстоятельство: юноши уверяли, что принесли с собой памятную нефритовую печатку.

Ань Жои действительно когда-то лишилась нефритового кольца. Много лет назад Гу Янь преподнёс его в знак помолвки. Скромное украшение, выточенное его собственными руками, не имело большой цены, но было бесценным для её сердца — единственное в своём роде. Княгиня бережно хранила его в личной сокровищнице, пока оно таинственным образом не исчезло. С тех пор прошло уже около десяти лет.

Стоило ей в ночь праздника Циси закончить со скучными приёмами в домах столичной знати, как по возвращении в усадьбу она сразу направилась к покоям незваных гостей. Гу Янь, понимавший супругу с полуслова, отложил дела и пошёл следом.

Пока двое юношей сладко спали в гостевой комнате, хозяева поместья не сомкнули глаз до самого утра.

Без лишних церемоний они вскрыли скромный узел Чжан Дэнцина, взломали хитрый замок шкатулки и достали спрятанное: пачку писем и заветное кольцо.

Пожелтевшие от времени листы поведали чудовищную правду о подмене младенцев. Чтобы у рассеявшихся сомнений не осталось ни единого шанса, безвестный отправитель во всех подробностях описал роды княгини двенадцать лет назад, упомянув тайны, известные лишь самым близким. К письмам прилагалось указание: когда-то подосланная убийца зарыла свой клинок в дальнем углу сада. Мол, если не верите — раскопайте землю, там лежит ржавое оружие.

Гу Янь немедленно, посреди ночи, поднял стражу и велел перекопать указанное место. Из земли действительно извлекли покрытый бурыми пятнами ржавчины короткий меч.

Сомнений не оставалось: нефритовая печатка была той самой, пропавшей десять лет назад.

До рассвета супруги не проронили ни слова, раздавленные тяжестью открывшейся правды. И всё же врождённое благородство удержало их от поспешных шагов: они не стали тревожить сон мальчика и не переположили остальных детей. Всё происходящее осталось под строжайшим секретом.

И вот настал рассвет. Ребёнок, чьё возвращение грозило обернуться позором для великого рода Гу, стоял перед ними, укутавшись в одеяло. Он шурился от улыбки, совершенно не подозревая, какое потрясение его возвращение вызвало в душах его новообретённых родителей.

Гу Сяодун глуповато улыбался, покорно вынося тяжёлые взгляды Гу Яня и Ань Жои. Нарушить тишину первым он не решался, а потому просто застыл на месте в ожидании приговора.

Но дальнейшее превзошло все его ожидания. Прежде чем он успел опомниться, Ань Жои рванулась вперёд и крепко обняла его. Одеяло соскользнуло на пол, и мальчик в одной лишь тонкой нижней рубаше оказался прижат к её груди. Тонкий, едва уловимый аромат пудры коснулся его лица, а в уши врезался тихий, прерывистый плач — его родная мать рыдала так горько, будто надрывалась сама её душа.

Гу Сяодун никогда не знал материнского тепла. Возможно, в раннем детстве оно у него и было, но память стёрла те годы без следа.

Когда Ань Жои сквозь слёзы выдохнула: «Дитя моё», земля ушла у него из-под ног. Из самой груди вырвался надрывной, похожий на треск разрываемой парчи крик. Он неосознанно позвал: «Матушка!» — и его тут же бросило в жар, словно от прикосновения к раскалённым углям, а тело забила крупная дрожь.

Захлебнувшись лавиной чувств в объятиях матери, Гу Сяодун даже не заметил, как поднялся сидевший поодаль Гу Янь. Князь молча перешагнул через порог, уводя за собой ошеломлённого Чжан Дэнцина.

Когда в комнате остались лишь они двое, Ань Жои отстранилась и, ласково заглядывая ему в заплаканные глаза, принялась расспрашивать о его прошлой жизни. Растроганный Гу Сяодун, шмыгая носом, выложил всё как на духу — умолчал он лишь о том, что долгие годы служил живым сосудом для ядов, несчастным маленьким целебным человеком. Всё остальное посыпалось из него, как горох из дырявого мешка.

В то же самое время за тонкой стеной Гу Янь подвергал суровому допросу Чжан Дэнцина.

Расспросы с глазу на глаз продолжались до самого вечера. Последующие подозрения, тайные проверки и сверки фактов затянулись на целую неделю. Лишь на седьмой день кровное родство мальчика с княжеским родом было окончательно и безоговорочно доказано.

Сам Гу Сяодун даже не догадывался, какие бури бушуют за его спиной. Он совершенно потерял голову от материнской нежности Ань Жои, упиваясь каждым её ласковым словом.

Княгиня лично вызвалась показать ему Поместье князя Чжэньбэй, раскинувшееся на многие ли вокруг. В восточной части усадьбы шумел огромный парк — Восточный лесной сад, Дунлиньюань, скрывавший за своими оградами множество павильонов и беседок. Западную

сторону занимал Западный сад процветания, Сичаньюань, — жилая зона семейства Гу. На юге уютилась Южная обитель, Наньцисуо, где размещались личная гвардия князя и прислуга, а северная часть представляла собой величественный парадный двор.

В тот же день Ань Жои отвела новообретённого сына в Дунлиньюань, выбрав для него один из уединённых двориков. Гу Сяодун шёл за ней как во сне, то и дело разинув рот от удивления — казалось, он готов был заквакать от изумления даже во сне. Ничего подобного ему видеть ещё не доводилось. Снаружи Поместье князя Чжэньбэй казалось утончённой и изящной, но внутри поражала дикой, монументальной роскошью.

Территория Восточного лесного сада была так велика, что на ней без труда уместился целый плац для тренировок. Жилые павильоны стояли ровными рядами, сады напоминали три драгоценные чаши, а небольшие чистые пруды рассыпались по земле подобно жемчужинам.

Они миновали журчащие ручьи и крытые галереи, прежде чем выйти к небольшому уютному дворику. Княгиня сразу приставила к сыну целую толпу слуг и служанок. Мальчик отчаянно махал руками, уверяя, что привык обходиться своими силами, но прислугу всё равно закрепили за каждым его шагом — от трапез до выбора одежды.

Делать было нечего, пришлось смириться. По природе своей Гу Сяодун был малым весёлым и открытым; хоть немыслимое богатство и ослепило его, он быстро освоился и не выглядел зажатым. К тому же он тонко чувствовал перемены в чужом настроении, а потому сразу заметил глухую тревогу, терзавшую Чжан Дэнцина.

В первую ночь на новом месте им разрешили занять одну постель. Уткнувшись лбом в плечо названного брата и покрепче натянув одеяло, Гу Сяодун зашептал ему на ухо:

— Брат, у тебя на душе тоже кошки скребут? Да ладно, неужели мой грозный и отважный старший брат трусил перед этими хоромами?

Чжан Дэнцин вымученно улыбнулся. Тень тревоги не сошла с его лица, но он ласково потрепал мальчика по макушке:

— С чего бы мне трусить? Просто гора с плеч свалилась, вот и всё. Главное, что ты теперь в безопасности, а значит, и мне бояться нечего. Я так успокоился, что даже в сон клонит.

Гу Сяодун довольно зажмурился, подставляя голову под ладонь:

— Братец, если тебе здесь тошно или не по себе, ты только скажи. Не надо притворяться ради меня — я ведь сразу поверю.

Сердце Чжан Дэнцина дрогнуло. Сдавшись, он придвинулся ближе и зашептал едва слышно:

— Сяодун... Твой отец, этот князь Чжэньбэй... Наводит он на меня страх. А матушка твоя... её слёзы и улыбки кажутся мне ненастоящими. Не поймёшь, когда она искренна, а когда притворяется.

Гу Сяодун посильнее вцепился в его рукав:

— Ну что ты, матушка такая красивая и добрая. А вот князь... Что с ним не так? Я его толком и разглядеть-то не успел.

— Он... выпрашивал у меня о тебе. Умеет ведь так в душу залезть, что и не заметишь, как всё выложишь... Каждую мелочь выводывал.

— Ну, расспросы о моей жизни — это же нормально? Матушка тоже расспрашивала обо всём. Я скрыл только то, что был маленьким целебным человеком — тут ещё сомневаюсь, стоит ли говорить. А в остальном рассказывал без утайки.

— Правильно делаешь, помалкивай об этом! — Чжан Дэнцин крепко обнял его и затих. Лишь спустя долгое время он тихо добавил: — Что бы ни случилось, я хочу, чтобы ты жил в мире и покое. Я всегда буду рядом. Это меньшее, что мы с отцом... задолжали тебе.

Последние слова сорвались с его губ едва различимым вздохом, и Гу Сяодун ничего не разобрал. Он хотел было расспросить подробнее, но Чжан Дэнцин уже укутал его поплотнее и принялся баюкать, заставляя закрыть глаза.

Мальчик решил, что расспросит его следующей ночью. Однако наутро пришла Ань Жои. Она ласково коснулась его щеки и с мягкой улыбкой произнесла:

— Сяодун, ты ведь уже совсем взрослый. Тебе больше не нужно, чтобы кто-то качал тебя перед сном, верно?

Гу Сяодун растерянно улыбнулся:

— Конечно нет, матушка! Я засыпаю в одно мгновение — только глаза прикрою, и уже сплю без задних ног!

Но стоило наступить ночи, как ему пришлось в полном одиночестве лежать на огромной постели и уныло смотреть в потолок. Слуги под благовидным предлогом переселили Чжан Дэнцина в соседние покои.

С того дня им больше ни разу не позволили спать вместе.

Шёл восьмой день его пребывания в поместье. Наступило пятнадцатое число седьмого лунного месяца — Праздник Середины года, Чжунъюаньцзе. Гу Сяодуна разбудили ни свет ни заря. Сонный, кутающийся в одеяло мальчик открыл глаза и оцепенел: прямо перед его постелью с безупречно холодными, царственными лицами сидели Гу Янь и Ань Жои — точь-в-точь как неделю назад.

Сонливость как рукой сняло. За окном ещё не брезжил рассвет, а слуги уже ловко натянули на него чистые одежды, умыли лицо и, ласково, но непреклонно подталкивая в спину, вывели пред очи разгневанных хозяев.

Гу Сяодун почувствовал неладное и робко позвал:

— Матушка?..

Гу Янь оборвал его ледяным приказом:

— На колени.

Мальчик недоумённо захлопал ресницами:

— Что?

Ань Жои положила ладонь ему на плечо и мягко, но твёрдо нажала:

— Сяодун, будь послушным мальчиком, опустишься на колени. Ты носишь кровь клана Гу, а значит, обязан чтить наши законы. Дети, не имеющие чинов и заслуг, при встрече с отцом-князем и матерью-княгиней должны склонять голову до самой земли. Твои первые слова должны звучать так: «Приветствую вас, отец-князь и матушка-княгиня, желаю вам здоровья».

Мысли в голове Гу Сяодуна испуганно замерли. Прежде чем он успел хоть что-то сообразить, его колени уже больно ударились о холодный пол. Чьи-то сильные пальцы безжалостно легли на его затылок, прижимая лоб к ледяным плитам. Это прикосновение обожгло шею холодом.

Над ухом прогрохотал низкий голос Гу Яня:

— Что ты должен сказать?

Тупая боль в коленях наконец доползла до сознания. Дрожа всем телом, мальчик выдавил из себя чужие, деревянные слова:

— Приветствую вас... отец-князь... и матушка-княгиня. Желаю вам... здоровья.

— Сяодун, ты упустил слишком много времени, — раздался над его головой тихий, скорбный вздох Ань Жои.

Гу Сяодун, не имея возможности поднять лица, робко пролепетал:

— Матушка... то есть, матушка-княгиня, мне ведь всего двенадцать...

— В свои двенадцать Цзиньюй уже заслужил право быть компаньоном по учебе при императорском дворе, а ты до сих пор не умеешь держать себя в приличном обществе. Тебе предстоит приложить немало усилий, чтобы усвоить правила этого дома.

Тяжёлая ладонь князя всё ещё удерживала его затылок. Мальчик мог лишь беззащитно сжиматься на полу, содрогаясь от озноба. Рассвет в Праздник Середины года не спешил показываться из-за туч; казалось, могильный холод загробного мира просочился сквозь половицы и насквозь пропитал его кости.

— Правда о том, что вас с Цзиньюем поменяли местами, никогда не должна выйти наружу. Если государь узнает об этом, наш род обвинят в обмане короны, а это верная гибель. Поэтому мы с твоим отцом решили, что для всех ты останешься лишь дальним родственником, приехавшим погостить. Дунлиньюань — прибежище для гостей, но здесь также обучают благородным искусствам. Мы дадим тебе время, чтобы нагнать упущенное и начать обучение с самых азов. Когда ты добьёшься успехов и заслужишь признание на экзаменах, твоё имя займёт законное место в родословной книге клана Гу.

— Я уже выбрала для тебя наставника. Сегодня хлопотный день, но мы выкроили время, чтобы объявить тебе нашу волю. Помни, на чьей земле ты стоишь, не смей позорить имя Гу и не ленись в учении. Ты обязан как можно скорее перенять манеры, подходящие твоему происхождению.

Каждое слово матери звучало отчётливо, но смысл их ускользал от мальчика, превращаясь в невнятный гул.

Он даже не заметил, когда княжеская чета покинула покои. Лишь бесстрастный, холодный голос вернул его к реальности:

— Молодой господин, их высочества ушли. Вы можете подняться.

Гу Сяодун медленно поднял голову. Перед ним стоял молодой управляющий с каменным лицом — тот самый, что встретил их с Чжан Дэнцином у ворот.

Преодолевая онемение в ногах, мальчик с трудом поднялся на ноги:

— Я помню тебя. Твое имя Чжу Ми.

— У вас прекрасная память, молодой господин, — без тени улыбки отозвался Чжу Ми. — Отныне, по воле князя и княгини, я буду неотлучно находиться при вас. Моя обязанность — следить за вашим бытом, обучать манерам и контролировать уроки. Исключение составят лишь те дни, когда в поместье будет возвращаться четвёртый молодой господин.

— Четвёртый молодой господин... — пробормотал Гу Сяодун, пытаясь привыкнуть к новым титулам, но быстро оставил эту затею. — Чжу Ми, а почему ты привязан к его приездам?

Лицо Чжу Ми сделалось ещё суровее:

— Прежде я служил лично четвертому молодому господину.

— Вот как... — протянул Гу Сяодун. В его глазах снова заблестели слёзы. — Чжу Ми, я хочу увидеть брата. Брата Дэнцина.

— Вы встретитесь только завтра. Если он хочет остаться в этом доме, ему тоже придётся усвоить здешние порядки, — отчеканил Чжу Ми, словно деревянный истукан. — Желаете ли вы позавтракать, молодой господин?

Гу Сяодун постоял немного, замялся и покачал головой. Две крупные слезинки покатались по его щекам, оставляя влажные дорожки.

— Нет... Я хочу просто погулять.

— Как вам угодно, — ровно ответил Чжу Ми. — Однако я обязан предупредить: сегодня ваш последний день праздности. С завтрашнего утра вся ваша жизнь будет подчинена строгому расписанию. Каждая минута — от приёма пищи до купания — окажется на учёте. Сегодня вы вольны гулять по Восточному лесному саду и даже морить себя голодом, если заблагорассудится. Но завтра лафе наступит конец.

Сквозь пелену слёз Гу Сяодун смерил его взглядом:

— Чжу Ми, а ведь ты вылитый железный бог-хранитель с тех лубочных картинок, что я когда-то продавал на ярмарках. Деревенские вешают их на ворота ради покоя в доме. Но ты... ты никого не защищаешь. Ты просто кусок холодного чугуна. Кажется, чуть я оступлюсь — и ты тут же замахнешься на меня своим пудовым кулаком, как этот бог на злых духов.

Чжу Ми промолчал.

Впервые за долгое время ему захотелось улыбнуться — сравнение было на редкость нелепым. Он выждал несколько секунд, справляясь с непрошеным весельем, и произнёс:

— Вы шутите, молодой господин. Вы — мой хозяин, и я никогда не посмею поднять на вас руку.

Гу Сяодун рукавом вытер слёзы и поплёлся к выходу. Его худенькие плечи вздрагивали от беззвучных рыданий.

— Железный страж, я хочу пройтись. Тоже пойдешь по пятам?

— Разумеется. Я обязан следовать за вами тенью, — Чжу Ми пристроился сзади. Уголки его губ снова предательски дрогнули, но он вовремя вернул лицу привычную маску.

Повесив голову, Гу Сяодун побрёл прочь, размазывая слёзы по лицу. Мало того, что за ним шёл Чжу Ми, так ещё и дворцовая челядь вместе с гвардейцами, едва завидев его, выстроилась в послушную шеренгу и двинулась следом. Эта процессия растянулась за его спиной живым шлейфом.

Не выдержав этой пытки, через полчаса мальчик остановился и взмолился:

— Да вели ты им уйти! Зачем они плетутся сзади? Я ведь не бумажный змей, чтобы держать меня на такой длинной верёвке!

Чжу Ми взглянул на покрасневшие глаза мальчика, который ухитрился даже в слезах сыпать причудливыми прибаутками.

— Только сегодня, — вздохнул управляющий и взмахом руки распустил свиту. Верёвка привязного змея на время оборвалась.

Слёзы наконец утихли. Гу Сяодун бесцельно побрёл туда, откуда доносился тихий шум ветра. Тропинка вывела его к изящной галерее, выстроенной в стиле южных озёрных садов. Откуда-то из глубины парка донёсся плеск воды.

Вода всегда манила его — она казалась и тихой гаванью, и сладким забвением. Ему вдруг безумно захотелось погрузиться в прохладную глубину, вернуться в детство, о котором рассказывал приёмный отец: лежать в огромном чане, вдыхая аромат целебных трав, покачиваться на жидких волнах и спать безмятежным сном, не зная, жив он или мёртв.

Гу Сяодун шмыгнул носом и обернулся к наставнику:

— Я хочу побыть один. Посижу у пруда, посмотрю на воду. Подожди меня здесь, ладно?

Чжу Ми посмотрел на него сверху вниз. В его памяти мгновенно всплыли ледяные слова, сказанные князем Чжэньбэй накануне вечером:

«Если мальчишка вздумает наложить на себя руки — не вмешивайся».

Секундное колебание — и управляющий склонил голову:

— Хорошо. Воля ваша.

Поблагодарив его, Гу Сяодун поспешил к беседке. Ступив под тенистый навес резной галереи, он оглянулся. Чжу Ми отвесил ему безупречный поклон и замер на месте, превратившись в изваяние.

Избавившись от надзора, Гу Сяодун прибавил шаг. Он быстро миновал изгиб галереи и остановился лишь тогда, когда полностью скрылся из виду. Кругом царила оглушительная тишина. Ни впереди, ни позади — ни единой души. Только серое небо над головой и тёплые доски под ногами.

Двигаясь на тихий журчащий звук, он прямо на ходу начал стаскивать с себя дорожную шёлковую накидку, в которую его утром облачили слуги. Ему хотелось сбросить с себя всю эту наносную роскошь, скользнуть в воду голышом и раствориться в ней, превратившись в безвольную водоросль.

Обогнув резную колонну, он замер. Перед ним раскинулся широкий пруд, подёрнутый мелкой рябью. Вода буквально кипела: десятки алых карпов металась у самой поверхности, шумно шлёпая хвостами-веерами. Их огненная чешуя вспыхивала на солнце, сплетаясь с тёмными нитями колыхавшихся водорослей в причудливый узор...

Но стоило мальчику сделать шаг вперёд, как его сердце пропустило удар. Это были вовсе не водоросли. В воде колыхались длинные пряди человеческих волос!

Пруд бурлил не от безумной игры карпов — под водой отчаянно боролся за жизнь человек!

— Помогите! — дико закричал Гу Сяодун.

Тело сработало быстрее разума. Сбросив на ходу накидку, он перемахнул через резные перила и ласточкой сиганул в воду.

Раздался громкий всплеск.

Прохладная глубь встретила его мириадами брызг; испуганные карпы бросились врассыпную. Гу Сяодун отчаянно заработал руками и ногами, изо всех сил гребя к середине пруда. Вокруг него пенились волны, а перепуганная рыба хлестала хвостами по воде.

Сделав глубокий вдох, он нырнул. Когда лёгкие уже готовы были разорваться от нехватки

воздуха, его пальцы наконец нащупали тонущего. Гу Сяодун мёртвой хваткой вцепился в его плечи и, преодолевая сопротивление толщи воды, рванулся вверх, увлекая беднягу за собой.

Они с шумом вынырнули. Живительный воздух хлынул в грудь, вытесняя удушье. Холодные струи стекали по лицу, покалывая кожу, словно ледяные иглы, но это принесло невероятное облегчение.

Щурясь от режущей глаза воды, Гу Сяодун первым делом взглянул на небо — чистое, высокое, по-осеннему прозрачное. Пусть сегодня и был Праздник Середины года, этот день казался невероятно живым и прекрасным.

Хрипло отдуваясь, он потащил неподвижное тело к мелководью. Взобраться обратно на высокую палубу галереи не было сил, поэтому он решил спасти несчастного прямо здесь, стоя по грудь в воде.

Но едва он опустил взгляд на лицо спасённого, как оцепенел.

В его объятиях покоился Гу Цзиньюй. Его утончённое, словно сошедшее с изысканного свитка лицо сейчас было бледным как пергамент. Он оставался неописуемо красив, но эта красота стремительно превращалась в посмертную маску.

Сердце Гу Сяодуна зашло в безумном, оглушительном ритме — казалось, оно вот-вот проломит грудную клетку.

Оцепенев на миг от страха, он отбросил все колебания. Набрав в лёгкие побольше воздуха, он прижал свои губы к его холодным губам, пытаясь вдохнуть в него жизнь.

Круги расходились по зеркальной глади воды. Алые карпы затихли на глубине. Гу Сяодун прижимался к чужим устам снова и снова, стирая губы в кровь, пока Гу Цзиньюй наконец судорожно не вздрогнул и не закашлялся, выплёвывая воду.

Гу Сяодун разрыдался от облегчения. Он крепко обнял юношу, судорожно колотя его по спине:

— Гу Цзиньюй! Ну же, очнись! Тварь господня, ты хоть представляешь, как напугал меня?! И почему ты такой тяжеленный?!

Заходясь в мучительном кашле, Гу Цзиньюй сквозь пелену выступивших слёз расслышал зававший его голос. Он с трудом приоткрыл воспалённые веки. Первое, что он увидел — покрасневшие, полные слёз, но сияющие небывалой жизнью глаза напротив.

Вода вокруг них тихо плескалась. Ветви ив качались под ласковым осенним ветром.

Гу Цзиньюй содрогался от озноба. Видя это, Гу Сяодун прижался своим лбом к его лбу и, не сдерживая рыданий, стиснул его в объятиях сильнее.

И холод отступил.

<http://bllate.org/book/20609/2106383>